

УДК 340

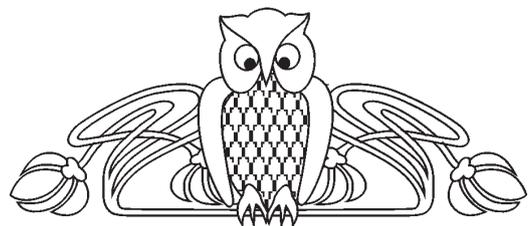
К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ НЕЮРИСДИКЦИОННОГО ПРОЦЕССА: ЛОГИКО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. Б. Лисюткин

доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права,
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: al.lisyutkin2010@yandex.ru

Е. Ю. Тонконогова

аспирант кафедры теории государства и права,
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: kotya777.77@mail.ru

Введение. Современная правовая действительность характеризуется разрушением бинарной конструкции мирового порядка, базирующегося на балансе двух систем социально-экономического развития. Следствием данного явления вы-

ступило возрастание роли и значения неюрисдикционного процесса, основанного на рационализме и функциональном структурализме. **Теоретический анализ.** В статье анализируется природа неюрисдикционного процесса. Для решения

указанной задачи применяется метод сравнительного анализа процессуальных форм, процедур и юридического процесса. На его основании делается вывод: правоотношение является универсальной процессуальной формой, структурными элементами содержания которой выступают процесс и процедура. Подтверждением приведенного умозаключения является действующее российское законодательство. Содержанием неюрисдикционного процесса выступают действия носителя субъективных прав и обязанностей. Цель неюрисдикционного процесса – обеспечение законного интереса. Она достигается путем последовательной смены состояний (стадий), отражающих процесс согласования своей воли и интереса. В статье отражаются особенности неюрисдикционного процесса: отсутствие спора о праве; наличие не менее двух заинтересованных сторон; режим как процессуальная форма неюрисдикционного процесса; свобода волеизъявления по обеспечению законного интереса; сознательно-волевая природа неюрисдикционного процесса. Приведенные качества послужили основанием для проведения типологической дифференциации неюрисдикционного процесса. **Заключение.** Неюрисдикционный процесс является своеобразной саморегулирующейся поведенческой моделью субъектов, направленной на обеспечение своих законных интересов. Объектом неюрисдикционного процесса выступает интерес сторон или третьих лиц, обремененных обязательствами. Неюрисдикционный процесс не должен затрагивать интересы третьих лиц или препятствовать им.

Ключевые слова: юридический процесс, процессуальная форма, юридическая процедура, юрисдикционный процесс, неюрисдикционный процесс, правовые режимы, законный интерес, субъекты права, саморегуляция, модель, поведение, воля.

Введение

Разрушение бинарной конструкции мирового порядка, основанного на балансе двух систем социально-экономического развития, запустило процессы, которые кардинально меняют всю внутреннюю и внешнюю политику государства. Отмеченные обстоятельства отразились и на формах движения правовой материи. Наиболее наглядно эти процессы проявляют себя в сравнении материальных и формальных источников эволюции окружающей нас действительности. В частности, деятельностная (функциональная) сторона в различных видах отношений имеет преимущество над формально-юридическими аспектами. Отражением указанной тенденции выступает возрастание роли и значения неюрисдикционных способов обеспечения интересов в разрешении конфликтов.

Сказать, что неюрисдикционный процесс это совершенно новое, ранее неизвестное науке явление, нельзя. Более того, данная проблема привлекала внимание ученых-юристов в Советскую эпоху [1]. Однако в указанный период правоведение базировалось на жестких догматах юридического позитивизма. Поэтому неюрисдикционные формы не получили комплексного научно-практического осмысления и применения. Вместе с тем следует заметить, что

указанный феномен в разные историко-правовые периоды обладал отличными друг от друга функционально-рациональными значениями.

Наибольшее распространение неюрисдикционный процесс получил в эпоху Средневековья [2, с. 419–457, 671–689]. В Новое время, когда происходило становление и укрепление национальных государств, неюрисдикционные средства утрачивают былое влияние в системе мер по разрешению спора интересов. На данном этапе отмечается ускоренное становление правовых предписаний. Этот инструмент упорядочения общественных отношений приобретает статус фундаментального нормативного основания государственной формы организации и жизнедеятельности общества.

Следует заметить, что укрепление позитивного права происходило в наиболее консервативно-императивной форме – догме. Мировоззренческим обоснованием указанной парадигмы эволюции правовой материи выступает юридический позитивизм. Наибольшее распространение он получает в континентальной Европе и Российской Империи. Ведущую роль в правоведении играет нормативистская школа права [3, с. 107–240, 557–584]. Господство формально-юридических источников в его абсолютном значении продлилось до конца XX – начала XXI в. Глобализация и регионализация социально-экономических связей стимулировали возрождение неюрисдикционного процесса. Идейным обоснованием его становления выступают рационализм и функциональный структурализм.

Теоретический анализ

Данная тенденция – это закономерный результат, поскольку в постиндустриальном обществе догматические формально-юридические конструкции утрачивают свою оперативность в разрешении юридических казусов. Особенно ярко новый алгоритм саморегуляции зарекомендовал себя в финансово-хозяйственной сфере. Динамика связей и результатов требует оперативного и эффективного обеспечительного механизма, который позволяет субъектам достигать результат с наименьшими потерями и рисками. Поэтому для уточнения природы неюрисдикционного процесса существенное функциональное значение приобретает методологическая и эмпирическая проблема соотношения процессуальных форм, процессуальных процедур и собственно процесса.

Анализ источников по заявленному вопросу показывает его неоднозначное и противоречивое изложение в юридической науке и практике.

Подтверждением данного суждения выступает нормативное закрепление основных понятий, формализующих перечисленные явления [4]. Более того, законодатель, вводя в единый функциональный ряд неоднородные теоретико-эмпирические конструкции, стимулирует возникновение противоречий на понятийном уровне материализации деятельностного аспекта категории «процесс», например, судебное разбирательство, правосудие, судопроизводство, процессуальное действие, розыскные меры, судебное заседание и т.д.

Указанное разнообразие термино-лексических конструкций, используемых для обозначения материального источника процесса, создает объективные предпосылки для возникновения множества казусов в юридической науке и практике. Следствием таких издержек становятся разнообразные противоречия. Они ведут к фундаментальным потерям в сфере обеспечения законности и правопорядка. Этот факт правовой действительности проявляется в различии судебной практики по однородным юридическим казусам. В этой связи методологическая роль уточнения состоит в том, что, решая указанную задачу, наука снимает противоречия между перечисленными термино-лексическими конструкциями на законодательном и правоприменительном уровнях.

В отечественном правоведении проблема соотношения в границах обозначенной триады не изучалась. Метод сравнения использовался в рамках дуальной модели, например, процессуальная форма и процессуальная процедура, юридический процесс и юридическая процедура, процессуальная форма и юридический процесс [5, с. 7]. Ограниченность указанного логического анализа очевидна. Она выражается в снижении потенциала гносеологических возможностей анализируемых категорий. Более того, концепция бинарности создает предпосылки для противопоставления, например, процедуры и процесса. Приведенное обстоятельство порождает дополнительные трудности для их эффективного внедрения в правоприменение.

В ходе сопоставления необходимо иметь в виду одно методологическое качество. Оно состоит в том, что процедура и процесс принадлежат к единой термино-лексической языковой группе. Неслучайно в русском языке они интерпретируются как синонимы. Конструкция «форма» относится к самостоятельному множеству термино-лексических знаков. На наш взгляд, отмеченные различие и сходство, с одной стороны, служат фактическим основанием для отождествления процедуры и процесса, а с дру-

гой – выступают препятствием для разработки теоретико-эмпирической модели внедрения в юридическую практику. Подтверждением этого суждения является законодательное многообразие слов, используемых для обозначения однородных процессуальных операций [6, с. 12–28].

Вместе с тем, несмотря на всю остроту поставленной проблемы, в юридической науке и практике есть логико-эмпирические способы ее разрешения. Диалектика предлагает вариант трансформации формы и содержания путем их перехода из одного качественного состояния в другое [7, с. 223–232, 247–248.]. Возможность такой формы динамики функционально-ролевого статуса сравниваемых феноменов достигается за счет структурирования содержания по уровням и глубине полученных знаний. Алгоритм такой методологической операции достаточно прост. Он состоит в переходе одного качественного состояния – сущности первого порядка – во внутреннюю форму выражения сущности второго порядка и т.д. В приведенной схеме отражена степень сложности познавательного результата, где процедура и процесс – средства объективации различных видов информации и практик, например, в форме понятий или порядка совершения юридически значимой деятельности.

Указанный гносеологический подход к разрешению проблемы сравнения требует соответствующей эмпирической базы ее реализации. В юридической практике существует вполне реальная возможность претворения в жизнь сравнения анализируемой триады. На наш взгляд, процессуальная форма является интегральной конструкцией. Указанный статус формы вытекает не только из логико-семантической природы, но и из ее функциональной роли. Форма аккумулирует процедуру и процесс, являясь средством их внешнего выражения, а процедура и процесс составляют содержание формы. В юридической практике и науке предложенный вариант решения задачи может быть обеспечен через правоотношение. В приведенной конструкции процедура и процесс представляют два элемента содержания: формальный – процедура и материальный – процесс.

Предложенная методолого-эмпирическая модель базируется на единстве понятийного и функционального рядов сравниваемых явлений. Следуя предложенному варианту, можно допустить, что процедура устанавливает порядок совершения действий заинтересованными субъектами, процесс – собственно юридически значимая деятельность, осуществляемая на основании и в соответствии с процедурой, а про-

цессуальная форма объективирует процедуру и процесс в соответствующую деривационную модель. В юридической практике только правоотношение может в полном объеме обеспечить возможность такого выражения процессуальной формы, процессуальной процедуры и процесса. С учетом изложенного можно утверждать, что природа сравниваемых явлений обусловлена материальными и формальными источниками жизнедеятельности организованного общества, где границей действия субъектов выступают социально-экономические связи. В этом смысле правоотношение – универсальная процессуальная форма, а процедура и процесс отражают природу связи субъектов по обеспечению своего законного интереса.

Таким образом, юридическая процедура и юридический процесс есть самостоятельные структурные элементы содержания процессуальной формы. Именно они наделяют процессуальную форму соответствующими функциональными возможностями и выступают основаниями ее типовой дифференциации. На наш взгляд, можно выделить три типа: во-первых, деривационный – определяет прямые и производные зависимости в сравниваемой «триаде»; во-вторых, корреляционно-логический – характеризует семантическую природу анализируемых термино-лексических конструкций; в-третьих, функционально-ролевой – фиксирует практическое (материальное) значение данной «триады» в юридической науке и практике.

Деривационный тип процессуальной формы отражает и выражает различные зависимости. Они могут быть как внутрискруктурными, так и внешними – функционально-системными. Необходимо указать, что внутрискруктурные зависимости достаточно подробно описаны в монографических исследованиях. Относительно внешнего уровня связей этого сказать нельзя. Они не получили должного изучения. На наш взгляд, внешнее проявление взаимодействия процедуры и процесса выражается посредством нелинейной зависимости. С одной стороны, юридический процесс выступает следствием реализации юридической процедуры, т.е. без процедуры процесс невозможен. Именно в этом смысле процессуальная форма является средством выражения их неразрывного единства.

В этой связи возникает вопрос о допустимости использования рассматриваемой триады на практике. Реальной, а не мнимой моделью выражения такого типа связей и их объективации может выступать только правоотношение. Именно отношение объединяет субъектно-объектные, формально-функциональные и волевые

компоненты поведения сторон. В этом случае процесс представляет материальный источник применения и возможного совершенствования процедуры. Кроме того, процесс – это еще и самостоятельное средство обеспечения законных интересов участников процесса, поскольку поведение аккумулирует волевые и обеспечительные аспекты в границах процессуальной формы.

Проведенный сравнительный анализ «триады» выдвигает проблему дифференциации не только процессуальной формы, но и процедуры с процессом. Поставленный вопрос в юридической науке и практике в той или иной мере получил свою оценку [8, с. 11]. В частности, выделяют два типа процедур и процесса – юрисдикционные и неюрисдикционные. Однако если для характеристики процедуры мнения ученых и практических работников в целом совпадают [9], то относительно процесса позиции имеют противоположные суждения [10]. Объем статьи не позволяет провести всесторонний анализ типов процедуры и процесса. Основное внимание будет уделено проблеме неюрисдикционного процесса.

Принципиальное значение для уяснения его природы имеют детерминирующие факторы. Перечень их достаточно разнообразен и неоднороден. Однако в условиях глобализации и регионализации безусловным лидером здесь выступает современная экономика, опосредуемая политическими и иными интересами. Свободное перемещение капиталов, товаров, услуг, ресурсов и технологий нуждается в их оперативном сопровождении с целью получения желаемого результата. К сожалению, консервативные юридические регламентации нередко выступают фактическим препятствием на пути решения поставленной задачи сторонами.

В этой связи имеет место нарушение реализации концепции трансграничности во взаимоотношениях различных заинтересованных сторон. Указанные обстоятельства вынуждают участников социально-экономических отношений искать более эффективные формы взаимовыгодного сотрудничества. Поэтому государства, корпорации, компании все чаще обращаются к нетрадиционным процессуальным формам, в том числе и к неюрисдикционному процессу как способу саморегуляции. Этот тип процесса исключает вовлечение в структуру связей формально-юридических процедур и бюрократических издержек.

В ходе осуществления данного алгоритма действий возникает резонный вопрос, а есть ли в российской правовой системе нормативная база для внедрения в практику неюрисдик-

ционного процесса? Анализ действующего законодательства позволяет ответить на него утвердительно – есть! Базовым источником, запускающим реализацию идеи использования неюрисдикционного процесса, являются отдельные положения Конституции Российской Федерации [11, с. 45, 48, 49–50, 55–56]. Другим, не менее важным, законодательным актом, допускающим и гарантирующим применение неюрисдикционного процесса, выступает Гражданский кодекс Российской Федерации [12].

Нормы действующего законодательства позволяют интерпретировать неюрисдикционный процесс как саморегулируемую модель (алгоритм) действий субъектов. Такой вид поведения сторон приводит к последовательной смене состояний связей между участниками по обеспечению своего обоснованного интереса. Следует указать, что хотя данный порядок и не предусмотрен юридическими предписаниями, в силу общих принципов права его фактическое выполнение может порождать права и обязанности у сторон. Именно последнее обстоятельство позволяет ставить проблему юридической природы неюрисдикционного процесса.

Принимая во внимание изложенные обстоятельства, можно констатировать: поведение субъектов носителей прав и обязанностей составляет содержание неюрисдикционного процесса, а цель – обеспечение сторонами своего законного интереса. Реализация устремлений участников процесса проходит путем совершения единичных или сменяемых действий. Следовательно, неюрисдикционный процесс может быть стадийным, а результатом такой деятельности выступает сложившееся состояние. Оно отражает согласование воли субъектов в пределах заявленного интереса. В неюрисдикционном процессе участники свободны в выборе формы выражения своего волеизъявления, например, договор в сфере имущественных отношений и связанных с ними личных неимущественных отношений, хотя и предусмотренных законом, но не противоречащих ему [12].

Свобода выбора вариантов поведения сторон в неюрисдикционном процессе по обеспечению законного интереса указывает на его саморегулируемый характер. В этом смысле неюрисдикционный процесс – это особая форма деятельности субъектов, не противоречащая нормам действующего законодательства. Она не должна затрагивать интересов третьих лиц. В данном случае не требуется юридической формализации такого вида поведения. Поэтому основаниями использования неюрисдикционного процесса могут выступать законный интерес,

презумпция знания целевого характера действий сторон, облегчающих достижение необходимого результата, императивность требования об исключении возможности возникновения спора о праве. Таким образом, неюрисдикционный процесс осуществляется за границами прямого действия нормативных правовых актов. В этой связи следует поддержать позицию В. М. Горшенева в том, что неюрисдикционный процесс не связан со спором о праве [8, с. 11].

Перечисленные свойства неюрисдикционного процесса выдвигают проблему его процессуальной формы. Если юрисдикционный процесс проходит в границах правоотношения, то для неюрисдикционного процесса такой вариант неприемлем. Как показывает анализ реализации законного интереса за границами прямого действия права, к числу таких форм принадлежит режим в широком смысле этой терминологической конструкции. Режим, в отличие от правоотношения, обладает качествами, которые позволяют исключить спор о праве и непосредственное правовое регулирование отношений между участниками неюрисдикционного процесса [13, с. 5–50]. Такой эффект достигается за счет более емкого количественного состава структурных элементов содержания данного феномена. В такой конструкции нормы права выполняют роль основания законности использования неюрисдикционного процесса, а воздействие является косвенным.

Возможность использования режима для анализа природы неюрисдикционного процесса базируется на принципе свободы волеизъявления по обеспечению законного интереса. Приведенное начало допускает возможность саморегуляции действий участников неюрисдикционного процесса. Для осуществления такой идеи достаточно наличия законных оснований. Единственным препятствием на пути использования неюрисдикционного процесса выступает угроза интересам третьих лиц. В этой связи возникает вопрос о целесообразности нормативной регламентации неюрисдикционного процесса и соответствующей ему формы акта. На наш взгляд, разрешение поставленной проблемы, если руководствоваться принципом свободы и концепцией саморегуляции, можно переадресовать Российскому союзу промышленников и предпринимателей для разработки корпоративной концепции ведения промышленной и предпринимательской деятельности.

Дело в том, что конструкция «свобода воли в законном интересе» в глобализирующемся мире приобретает качество источника, стимулирующего развитие финансово-хозяйственных

связей. Она обеспечивает оперативное разрешение спора интересов, где формой выступает неюрисдикционный процесс. Именно неюрисдикционный процесс позволяет субъектам осуществлять операции в своем интересе за пределами прямого действия права. Однако характер поведения не должен противоречить требованиям законности. При таком подходе к проблеме неюрисдикционного процесса действия по защите интересов сторон осуществляются в форме саморегуляции. Один из наглядных примеров, который имел место в отечественной истории, – это неюрисдикционный процесс по разгосударствлению собственности, или приватизации государственного имущества.

В этом смысле неюрисдикционный процесс выступает своеобразной поведенческой моделью, базирующейся на саморегуляции. Предложенная конструкция процесса может быть как в форме единовременного акта, так и стадийной. Любая стадия может состоять из одной или нескольких операций, обусловленных конкретными процедурами. Единство действий и процедур приводят к фактической смене положений и состояний субъектов и объектов. Указанный способ объективации связей обеспечивается письменной или устной фиксацией намерений сторон, определяющих качественное содержание процесса. Поэтому изменение положения структурных элементов рассматриваемого явления будет отражать динамику воли и интересов участников процесса по защите своего интереса. Следовательно, цель и интерес составляют единый объект неюрисдикционного процесса.

Кроме того, следует указать на еще одно значение цели и интереса. Оно состоит в том, что указанные явления задают алгоритм поведения субъектов. В этой связи можно утверждать: выбор этого вида процесса носит сознательный целесообразный характер, в то время как юридический процесс не исключает вероятности его использования в результате наступления жизненных обстоятельств, предусмотренных нормой права, например, вступление в наследство. Сознательно-волевая природа неюрисдикционного процесса объективно предполагает соответствующие способы защиты. Они, с учетом отсутствия спора о праве, должны отражать свободный выбор таких мер. На наш взгляд, средствами охраны неюрисдикционного процесса могут быть договорные и обязательственные условия. Служебная роль последних состоит в материализации принципа свободы волеизъявления в своем интересе. Данные методы вытекают из действий субъектов про-

цесса, которые могут быть не предусмотрены действующим законодательством, но в силу общих начал права порождают права и обязанности сторон.

С учетом изложенного можно выделить еще одну особенность неюрисдикционного процесса – это наличие не менее двух заинтересованных сторон. В этом случае неюрисдикционный процесс посредством сознательно-волевой деятельности объективирует целевые установки участников процесса и легализует их потребности. Таким образом, неюрисдикционный процесс – это материальная (функционально-деятельностная) форма обеспечения законного интереса, где целеполагание и интерес определяют его содержательное наполнение. Именно человек, его жизненные потребности, формализованные в основных правах и свободах, определяют пределы режима осуществления неюрисдикционного процесса за границами спора о праве и прямого действия юридической нормы.

Доказательством правильности сделанного вывода является типологическая дифференциация неюрисдикционного процесса. В монографической литературе этому аспекту рассматриваемой проблемы не уделяется должного внимания. Объяснить сложившееся положение, на наш взгляд, можно неопределенностью юридической природы изучаемого феномена. Основанием для проведения типовой дифференциации может быть форма осуществления деятельности. Отраслевой подход исключается в силу отсутствия спора о праве. С учетом изложенного можно выделить следующие типы неюрисдикционного процесса: легальный и нелегальный. Предложенный вариант типологии базируется на договорных обязательствах сторон. В первом случае он представляет публичный гласный процесс, а во втором – закрытый, не известный другим.

В рамках выделенных типов можно провести видовую дифференциацию неюрисдикционного процесса. В качестве критерия деления следует применить цель деятельности. Предложенный логический прием позволит конкретизировать содержание и назначение рассматриваемого феномена и назвать следующие виды неюрисдикционного процесса: во-первых, обеспечительный, направленный на охрану и защиту интересов сторон; во-вторых, восстановительный, способствующий приведению в прежнее состояние сторон по объекту проявления интереса; в-третьих, пресекающе-предупредительный, предотвращающий посягательство третьих лиц на законные интересы субъектов

неюрисдикционного процесса (природа названной функции превентивная); в-четвертых, стимулирующий, где деятельность выступает источником выбора и применения мер по активизации поведения сторон в целях обеспечения законного интереса или разрешения конфликта интересов; в-пятых, репродуктивный, воспроизводящий новые целевые установки лиц, участвующих в неюрисдикционном процессе. Однако сформулированные позиции не должны выходить за границы объявленного интереса как объекта процесса, а достижение результата может сопровождаться изменением положения субъектов.

Одним из методолого-эмпирических факторов выявления природы неюрисдикционного процесса выступает классификация функций. Основанием классификации могут быть цель и содержание деятельности. Данный логический прием позволяет распространить на видовую характеристику функций неюрисдикционного процесса конструкцию «прямого тождества». В нашем случае перечень видов функций и видов процесса совпадет. На этом логико-гносеологический потенциал категории «функция» в исследовании неюрисдикционного процесса не исчерпывается. Функции аккумулируют структурно-содержательные компоненты процесса и определяют пределы его материализации. Границами проявления процесса, на наш взгляд, выступает режим. Именно режим является той когерентной формой объединения внешних и внутрискруктурных зависимостей, которые трансформируются в неюрисдикционном процессе. Природа режима в указанном значении является ситуативной. Поэтому неюрисдикционный процесс и представляет собой форму выражения единства воли и интереса сторон.

Отмеченная роль режима в изучении неюрисдикционного процесса объясняется его структурно-содержательными особенностями и функциональными возможностями. Именно эти качества привлекают к нему неослабевающее внимание, о чем свидетельствуют публикации известных ученых-юристов, которые занимались разработкой данной проблемы, – С. С. Алексеева, А. М. Витченко, В. М. Горшенева, В. Б. Исакова, В. В. Лазарева, Л. А. Морозовой, И. С. Самощенко и др. Отражением зависимости неюрисдикционного процесса и режима является его законодательная формализация. Однако проблема режима осуществления неюрисдикционного процесса в литературе не ставилась. Поэтому отмеченная тема представляет собой самостоятельное теоретико-эмпирическое направление для научного исследования.

В этой связи принципиальное значение для анализа неюрисдикционного процесса имеет сама конструкция режима.

Следует заметить, что терминологический знак режима активно используется не только в научном, но и в практическом обороте. Более того, законодательное выражение режима обеспечивает возможность выявления его внутрисодержательных и функциональных особенностей. Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что структура режима включает [14]: во-первых, нормативные правовые акты. Они содержат перечень юридических предписаний, которые позволяют выделить структуру содержания режима. К элементам внутреннего строения относятся: принципы, правила, условия, процедуры, порядки, виды и направления деятельности, формы ее осуществления, субъекты поведения, объекты, отношения, полномочия, способы и методы обеспечения; во-вторых, функции обеспечивают объективацию внешнего контура зависимости субъектно-объектной определенности от характера и видов деятельности. С учетом указанного критерия законодатель закрепляет следующие виды режимов: правовой, чрезвычайный и специальный.

Законодательная концепция видовой характеристики режимов позволяет детализировать природу неюрисдикционного процесса. Отмеченная роль обусловлена структурно-функциональным аспектом режима как самостоятельного явления. На наш взгляд, режим объединяет правовые и неправовые компоненты материализации любых видов сознательной деятельности человека. Многообразие структурных элементов режима способно охватить своим воздействием в том числе и действия, вытекающие из реализации принципа свободы волеизъявления, как в публичной, так и в частной сферах проявления конфликта интересов, независимо от субъективного состава неюрисдикционного процесса, будь то физические и юридические лица, органы власти и государства. Сделанный вывод подтверждается практикой обеспечения законных интересов [15, с. 13–15]. Важным аспектом является вопрос возможного включения неюрисдикционного процесса во внесудебную систему урегулирования конкуренции законных интересов и разрешения конфликта интересов.

Заключение

Неюрисдикционный процесс – это основная на концепции саморегуляции и свободы волеизъявления поведенческая модель субъектов, обремененных потребностью обеспечения

своих законных интересов. Поэтому неюрисдикционный процесс не предполагает разбирательства по конкретному делу. Объектом здесь выступает интерес сторон или третьих лиц с обязательствами участников процесса. Вместе с тем неюрисдикционный процесс может разрешать конкретные юридические казусы. В качестве примера можно привести факты регулярного обмена агентов спецслужб.

Следовательно, неюрисдикционный процесс может осуществляться за границами норм права. Однако данное качество не исключает наличия обеспечительных, восстановительных и иных мер защиты интересов сторон процесса. Приведенный факт свидетельствует о наличии стадий. Условно их можно дифференцировать на консультативно-согласительные действия сторон, конвенционные и процедурные. С этой точки зрения неюрисдикционный процесс является исполнительной процессуальной формой, основывающейся на международном и внутригосударственном законодательстве.

Данный вывод базируется на содержании деятельности участников неюрисдикционного процесса. Стороны свободны в распоряжении своего интереса. Они сами определяют условия и порядок его обеспечения. Решение этой задачи достигается путем согласования интереса. Результатом указанной деятельности выступает письменное или устное соглашение по обеспечению интереса. Субъекты обременяют себя заявленными обязательствами. Поэтому их действия не могут выходить за пределы не только объявленного интереса, но и взятых на себя обязательств.

На наш взгляд, процесс обременения может считаться законченным по результатам представления фактических аргументов в обеспечении своего интереса. Поэтому в неюрисдикционном процессе могут быть применены иные меры подтверждения доводов сторон за границами взятых на себя обязательств, если обременения не могут до конца снять сомнения и спорные аспекты относительно сути выражения своего интереса или разрешения конфликта интересов. Все перечисленные стадии заканчиваются процедурой материализации интересов субъектов неюрисдикционного процесса или разрешением конкретного спора. Следует заметить, что все действия сторон процесса должны совершаться в соответствии с требованием законности.

Субъекты неюрисдикционного процесса, несмотря на заявления, могут завершить обеспечение интереса на любой стадии по обоюдному согласию. Следовательно, действия

участников неюрисдикционного процесса не являются оспоримыми. Это существенный признак рассматриваемого явления. Поэтому неюрисдикционный процесс можно охарактеризовать как саморегулируемую поведенческую модель, основанную на достоверности интереса и доверии сторон. Принципы достоверности и доверия исключают вариант возникновения спора о праве.

Приведенная конструкция неюрисдикционного процесса выражает баланс потребностей его субъектов. Однако стороны должны быть уверены и защищены от посягательства третьих лиц на согласованные позиции по обеспечению своего интереса. Участники вправе оказывать содействие друг другу в ходе реализации законного интереса. Способы такой взаимопомощи могут быть оговорены участниками неюрисдикционного процесса.

Вместе с тем неюрисдикционный процесс связан с повышенным риском по обеспечению законного интереса. Стороны осознают возможность наступления форс-мажорных обстоятельств, включая издержки по защите. Участники должны иметь в виду, что в случае неисполнения одной из сторон принятых на себя обязательств неюрисдикционный процесс может трансформироваться в юридическую форму обеспечения законного интереса одной из сторон.

В таких случаях у субъектов неюрисдикционного процесса остаются возможности возбуждения юрисдикционного процесса, например, через судебное разбирательство. В этой связи возникает резонный вопрос о юридической природе неюрисдикционного процесса и критериях ее выявления. На наш взгляд, в качестве оснований оценки могут быть использованы функциональные значения процесса. Исходя из такого подхода к разрешению поставленной проблемы, можно утверждать, что неюрисдикционный процесс – это одно из оснований для применения юридических процедур по обеспечению своего законного интереса.

Список литературы

1. Юридическая процессуальная форма : теория и практика / под общ. ред. П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. М. : Юрид. лит., 1976. 279 с.
2. История средних веков : учебник / под ред. Н. Ф. Колесниченко. М. : Высш. шк., 1964. 704 с.
3. Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливости и естественное право / пер. с нем., англ. и фр., сост. и вступ. ст. М. В. Антонова. СПб. : Алет-Пресс, 2015. 704 с.

4. О судебной системе Российской Федерации : федер. конституц. закон от 31 января 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) : принят ГД ФС РФ 23 окт. 1996 г. : одобр. Советом Федерации ФС РФ 26 декабря 1996 г. // Рос. газ. 1997. 6 янв.
5. Яковенко О. В. Правовая процедура : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 22 с.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт-Издат, 2014. 1077 с.
7. Шептулин А. П. Категории диалектики. М. : Высш. шк., 1971. 279 с.
8. Теория юридического процесса / под ред. В. М. Горшеченева. Харьков : Юрид. лит., 1985. 192 с.
9. Байтин М. И., Яковенко О. В. Теоретические вопросы правовой процедуры // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 93–102.
10. Павлушина А. А. Теория юридического процесса : итоги, проблемы, перспективы развития. Самара : Изд-во Самар. гос. экон. акад., 2005. 480 с.
11. Конституция Российской Федерации и государственная символика Российской Федерации / отв. ред. Т. Дегтярева. М. : Эксмо, 2014. 64 с.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 06.04.2015) : принят ГД ФС РФ 21 октября 1994 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
13. Рушайло В. Б. Административно-правовые режимы. М. : Щит-М, 2000. 264 с.
14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 06.04.2015) : принят ГД ФС РФ 20 декабря 2001 г. // Рос. газ. 2001. 31 дек.
15. Бергаманн В., Гутброд М. Введение к пониманию Гражданского процессуального уложения // Гражданское процессуальное уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому процессуальному уложению : пер. с нем. М. : Волтерс Клувер, 2006. 472 с.

The Nature of Non Jurisdictional Process: Logiko-gnoseological Aspect

A. B. Lisyutkin

Saratov State Law Academy,
1, Volskaya str., Saratov, 410056, Russia
E-mail: al.lisyutkin2010@yandex.ru

E. Yu. Tonkonogova

Saratov State Law Academy,
1, Volskaya str., Saratov, 410056, Russia
E-mail: kotya777.77@mail.ru

Introduction. The modern legal sphere is characterized by the destruction of binary structure based on the balance of two systems of social and economical development. This had in impact on the increasing role and importance of the non-jurisdictional process based on rationalism and functional structuralism. **Theoretical**

analysis. The article deals with the relations between form of action, procedure, and legal process to profoundly understand the nature of the non-jurisdictional process. As a result we come to a conclusion that legal relations are a universal form of action, the structural elements of which are process and procedure. Russian legislation is analyzed on the subject of normative base of the non-jurisdictional process. One of the conclusions made in the article is that non-jurisdictional process consists of action of bearers of rights and duties to provide their legitimate interest by the consequent change of the stages or conditions, which reflect the relations of the will and interest. The article touches upon the specific features of the non-jurisdictional process: the absence of dispute about rights; the presence of not less than two concerned parties; legal order as a form of action of non-jurisdictional process; the freedom of will to provide legitimate interest; conscious and volitional nature of the non-jurisdictional process. In the article the types and subtypes of the non-jurisdictional process are described. **Conclusion.** The non-jurisdictional process is a specific behavioral model of the subject to protect their legitimate interests. The object of non-jurisdictional process is interest of parties or third parties, that encumbered with obligations. The non-jurisdictional doesn't affect with interests of third parties.

Key words: legal process, form of action, legal procedure, jurisdictional process, non-jurisdictional process, legal order, legal subjects, self-regulation, behavior, will.

References

1. *Juridicheskaja processual'naja forma: teorija i praktika* [Legal procedural form: the theory and practice. Ed. by P. E. Nedbajlo, V. M. Gorshenev]. Moscow, 1976. 279 p.
2. *Istorija srednih vekov* [History of the Middle Ages. Ed. by N. F. Kolesnickiy]. Moscow, 1964. 704 p.
3. Kelzen G. *Chistoe uchenie o prave, spravedlivosti i estestvennoe pravo* [The blank doctrine about the right, justice and the natural right. Translation from German, English, French, orig. and introductory article M. V. Antonov]. St. Petersburg, 2015. 704 p.
4. О Судебной системе Российской Федерации: федер. конституц. закон от 31 января 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014): принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 23 окт. 1996 г.: одобр. Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 26 декабря 1996 г. [About judicial system of Russian Federation. Federal Constitutional law of January 31, 1996 № 1-FKZ]. *Rossijskaja gazeta* [Russian newspaper], 1997, 6 January.
5. Jakovenko O. V. *Pravovaja procedura* [Process of law. Cand. jur. sci. thesis diss.]. Saratov, 1999. 22 p.
6. *Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii* [The comment to the Code of criminal procedure of the Russian Federation. Ed. V. M. Lebedev]. Moscow, 2014. 1077 p.
7. Sheptulin A. P. *Kategorii dialektiki* [Categories of dialectics.]. Moscow, 1971. 279 p.
8. *Teorija juridicheskogo processa* [The theory of legal process. Ed. by V. M. Gorshenev]. Harkov, 1985. 192 p.

9. Bajtin M. I., Jakovenko O. V. Teoreticheskie voprosy pravovoj procedury [Theoretical questions of process of law]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2000, no. 8, pp. 93–102.
10. Pavlushina A. A. *Teorija juridicheskogo processa: itogi, problemy, perspektivy razvitiya* [Theory of legal process: results, problems, development]. Samara, 2005. 480 p.
11. *Konstitucija Rossijskoj Federacii i gosudarstvennaja simbolika Rossijskoj Federacii* [Constitution of the Russian Federation and state symbolics of the Russian Federation. Ed. T. Degtayeva]. Moscow, 2014. 64 p.
12. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (Chast' pervaja) ot 30 nojabrja 1994 g. № 51-FZ (red. ot 06.04.2015) [Civil code of the Russian Federation of November 30, 1994 № 51-FZ (ed. of 06.04.2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation]. 1994, no. 32, art. 3301.
13. Rushajlo V. B. *Administrativno-pravovye rezhimy* [Administrative legal regimes]. Moscow, 2000. 264 p.
14. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravnarushenijah ot 30 dekabrja 2001 g. № 195-FZ (red. ot 06.04.2015) [The code about administrative offences of the Russian Federation of December 30, 2001 № 195-FZ]. *Rossijskaja gazeta* [Russian newspaper], 2001, 31 December.
15. Bergamann V., Gutbrod M. *Vvedenie k ponimaniju Grazhdanskogo processual'nogo ulozhenija* [Introduction to understanding of the Civil procedural code]. *Grazhdanskoe processual'noe ulozhenie Germanii. Vvodnyj zakon k Grazhdanskomu processual'nomu ulozheniju* [Civil procedural code of Germany. The introduction law to the Civil procedural code. Translation from German]. Moscow, 2006. 472 p.